

RU

Специфика репрезентации лингвокультурных реалий
во франкоязычных географических картах XVIII века

Глазко С. Ю.

Аннотация. Цель исследования – установить зависимость способов репрезентации лингвокультурных реалий от их типа, степени культурной освоенности пространства и картографической традиции на материале франкоязычных географических карт Европы, Америки и Африки XVIII в. В статье уточнено рабочее определение лингвокультурной реалии применительно к жанру карты, разработана адаптированная к нему типология из четырёх групп, описаны пять способов репрезентации реалий и проведён сопоставительный анализ корпуса из 12 обзорных и региональных географических карт. Научная новизна заключается в том, что на материале франкоязычных карт XVIII в. впервые выявлено, что способы репрезентации лингвокультурных реалий закономерно обусловлены их типом и степенью культурной освоенности изображаемой на карте территории. Также впервые установлено, что наиболее продуктивными являются не изолированные, а комбинированные модели передачи реалий. Впервые показаны различия в наборе доминирующих способов репрезентации реалий на картах Европы, Америки и Африки. В результате исследования продемонстрировано, что наиболее частотны ономастические и политико-административные реалии; для европейского материала характерны многослойные дублетные и гибридные формы, для американского – гибридные и функционально-переводные модели, для африканского – транслитерация и пояснительные элементы.

EN

The specifics of representing linguocultural realia
in French-language geographic maps of the 18th century

S. Y. Glazko

Abstract. The aim of the study is to determine how the methods of representing linguocultural realia depend on their type, the degree of cultural familiarity of the space, and cartographic tradition, using European, American, and African French-language geographic maps from the 18th century as the research material. The article clarifies a working definition of linguocultural realia as applied to the map genre, develops a typology adapted to it consisting of four groups, describes five methods of representing realia, and presents a comparative analysis of a corpus of 12 general-purpose and regional geographic maps. The scientific novelty lies in the fact that, based on French-language maps of the 18th century, it is established for the first time that the methods of representing linguocultural realia are regularly determined by their type and by the degree of cultural familiarity of the territory depicted on the map. It is also shown for the first time that the most productive models are not isolated but combined models of conveying realia. In addition, the study is the first one to reveal differences in the set of dominant methods of representation on maps of Europe, America, and Africa. The results demonstrate that onomastic and political-administrative realia are most frequent; for European material, multilayered doublet and hybrid forms are characteristic, for American material, hybrid and functionally translational models prevail, and for African material, transliteration and explanatory elements are most common.

Введение

Франкоязычные карты XVIII века представляют собой значимый материал для изучения лингвокультурных реалий, поскольку картографическая номинация фиксирует особенности восприятия пространства, формы его политической категоризации и способы языкового освоения инокультурных объектов. При этом в существующих исследованиях такие единицы чаще рассматриваются либо в историко-картографическом, либо в собственно топонимическом аспекте, тогда как сравнительный анализ способов их репрезентации на картах разных регионов разработан недостаточно.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в современной лингвистике усиливается интерес к реконструкции исторических форм языковой картины мира, что требует расширения круга анализируемых источников и обращения к типам текста, которые прежде оставались на периферии лингвистического анализа. К таким источникам можно отнести географические карты, совмещающие графический и вербальный коды. Такой историко-хронологический подход дает «ключ к пониманию механизмов оценивания действительности человеком прошлого» (Манухина, 2011, с. 76). Во-вторых, развитие теории реалии и теории реноминации ставит задачу проверки их объяснительного потенциала на нетипичном материале. Это позволяет уточнить границы применимости этих теорий и расширить представления о механизмах языкового освоения «чужой» действительности. В-третьих, обращение к франкоязычной картографии XVIII века значимо для истории французского языка и переводоведения, поскольку в этот период складываются устойчивые модели передачи инокультурных наименований, во многом определившие последующую и современную традиции их фиксации в европейских языках. Наконец, сопоставительное изучение способов репрезентации реалий на картах разных регионов отвечает потребности лингвокультурологии в выявлении способов категоризации языком «чужого» пространства, что имеет значение не только для истории языка, но и для понимания современных механизмов межкультурного взаимодействия.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) уточнить рабочее определение лингвокультурной реалии применительно к картографическому тексту; 2) разработать типологию лингвокультурных реалий, релевантную для франкоязычного картографического материала XVIII века; 3) описать основные способы репрезентации реалий во франкоязычном картографическом тексте; 4) провести сравнительный анализ европейского, американского и африканского франкоязычных картографических массивов по преобладающим способам репрезентации реалий.

Материалом для исследования послужил корпус из 12 франкоязычных карт XVIII века, включающий как обзорные карты крупных регионов, так и региональные и тематические карты отдельных зон. Европейский массив представлен картами побережья Черного моря, Европейской Турции и Европейской России; американский – картами Северной и Южной Америки, Парагвая, североатлантического пограничья и русских открытий между Азией и Америкой; африканский – общими картами Африки и близлежащих островов. Именно из этого корпуса извлекаются примеры лингвокультурных реалий, рассматриваемые далее.

Теоретическую базу исследования составили работы по теории реалии, безэквивалентной лексике, реноминации и ономастическим реалиям. Одной из основных стала работа Г. Д. Томахина (1988), из которой приняты понимание реалии как культурно маркированной единицы, не совпадающей с единицами сопоставляемого языка, и категория ономастических реалий, позволяющая рассматривать картографические надписи как материал для анализа. Из трудов С. Влахова и С. Флорина (1980) использованы понимание реалий как носителей национального и исторического колорита, многоаспектная классификация реалий и разграничение внутренних и внешних реалий. Работы А. А. Кретьева и Н. А. Фененко (2013; 2018), а также Н. А. Фененко (2017) послужили основой для обращения к теории реноминации как «освоения “своим” языком “чужой” действительности» и для систематизации признаков типологии реалий. Положения И. М. Мельничук и Н. А. Фененко (2017) о приоритетности сохранения исторического и национального колорита при реноминации определили подход к историческому материалу. Из статьи Ю. М. Демоновой, В. А. Лавриненко и В. П. Кемечеджиевой (2021) учтены связь реалий с фоновыми знаниями и тематический принцип их классификации. Прикладные приёмы передачи реалий уточнялись по работе А. С. Хрустальной (2023), а историко-хронологический ракурс анализа картины мира – по работам А. О. Манухиной (2011; 2022).

Выбор методов исследования обусловлен поставленной целью и совокупностью задач. Описательно-аналитический метод применялся для систематизации картографического материала, выделения единиц анализа и формирования рабочего определения и типологии лингвокультурной реалии применительно к картографическому тексту. Контекстно-семантический метод использовался для установления значения отдельных номинаций с учётом их положения на карте, окружающих подписей, легенд и глосс, а также для отнесения каждой единицы к определённому типу реалии и определения способа её репрезентации. Сравнительно-сопоставительный метод был использован для сравнения европейского, американского и африканского массивов по преобладающим способам репрезентации реалий и для выявления зависимости между типом реалии, степенью культурной освоенности пространства и выбором способа её передачи. Методы лингвокультурного и исторического дискурс-анализа привлекались для интерпретации культурных, политических и исторических коннотаций, закреплённых в картографических наименованиях. Элементы количественного метода применялись при определении относительной частотности типов реалий и способов их репрезентации в корпусе.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при анализе исторических картографических источников, в исследованиях по лингвокультурологии и истории французского языка, а также в курсах по переводу, исторической лексикологии и картографическому дискурсу.

Обсуждение и результаты

Понятие реалии представляется методологически продуктивным для исследования франкоязычных карт Европы, Америки и Африки XVIII века, поскольку картографический текст фиксирует не только пространственные параметры объекта, но и способы его культурного и политического осмысления. Названия территорий, этнонимы, обозначения форм государственности, конфессиональных и административных единиц,

а также исторически закрепленные топонимы выступают на карте как свернутые носители фоновой информации. Их интерпретация требует обращения к теории реалии, разработанной в переводоведении, лингвострановедении и сопоставительной лингвистике.

В современной научной традиции отсутствует полное единство в определении данного термина. Это обстоятельство специально отмечают А. А. Кретов и Н. А. Фененко, указывая на «отсутствие единства в трактовке термина и критериев классификации реалий» (2013, с. 7). Разнородность подходов связана с двойственной природой самой реалии: с одной стороны, речь идет о факте внеязыковой действительности, с другой – о языковой единице, которая этот факт обозначает. В своей более поздней работе исследователи отмечают, что реалия «предполагает обязательное обращение к “своей” концептосфере на фоне “чужой”» (Кретов, Фененко, 2018, с. 77). На франкоязычных географических картах это обращение проявляется в соотношении французской номинации с инокультурной действительностью.

В лингвострановедческой традиции реалия связывается с культурно значимым фрагментом действительности, отраженным в языке: к реалиям относятся слова, обозначающие присущие определенному народу предметы и явления истории, культуры, быта и общественной жизни, полностью или частично не совпадающие с единицами сопоставляемого языка (Томахин, 1988, с. 4-6). Существенно, что такое понимание позволяет учитывать не только случаи строгой безэквивалентности, но и зоны неполного соответствия, особенно важные для картографического материала.

Переводоведческая трактовка термина «реалия» основывается на ее национально-исторической природе и на трудностях межязыковой передачи. Так, С. Влахов и С. Флорин определяют реалии как слова и словосочетания, «называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социальной и исторической жизни) одного народа и чуждые другому», и эти единицы выступают «носителями национального и исторического колорита» (1980, с. 46-47).

Похожее понимание представлено и в статье Ю. М. Демоновой, В. А. Лавриненко и В. П. Кемечеджиевой, где подчеркивается связь реалий с безэквивалентной лексикой и фоновыми знаниями. Авторы отмечают, что слова-реалии дают доступ к «культурно-исторической специфике народа» и позволяют реконструировать «основы духовно-нравственной жизни лингвистического сообщества» (Демонина, Лавриненко, Кемечеджиева, 2021, с. 153).

Такой подход делает логичным обращение к теории реноминации. Кретов и Фененко связывают проблему реалии с «освоением “своим” языком “чужой” действительности» (2013 с. 7). Для франкоязычных карт XVIII века эта формулировка имеет прямое значение. Французский язык в картографическом дискурсе обозначает пространства, принадлежащие разным культурным мирам. При этом носителем «своей» точки зрения выступает франкоязычный картограф, мировоззрение которого «сложилось под влиянием социальных и политических процессов, происходивших во Франции» (Манухина, 2022, с. 37).

Вопрос о классификации реалий остается столь же дискуссионным, как и вопрос об их определении. Н. А. Фененко (2017, с. 10) отмечает, что наиболее известные типологии строятся на «референтном, коннотативном, семантическом» признаках. В лингвострановедении доминирует тематический, или предметный, принцип. Ю. М. Демонина, В. А. Лавриненко и В. П. Кемечеджиева прямо указывают, что «ведущим принципом деления слов-реалий на классы является тематический принцип» (2021, с. 153). Этот принцип сохраняет свою ценность и для картографического материала, однако нуждается в адаптации к его жанровой специфике.

Для общей теории особое значение сохраняет классификация Влахова и Флорина, построенная по нескольким основаниям: предметному, местному, временному и переводческому. Исследователи выделяют предметное деление, местное деление, временное деление и переводческое деление реалий (Влахов, Флорин, 1980, с. 50). Такая многоаспектность важна для нашей темы. Карта XVIII века репрезентирует пространство одновременно как географическую, политическую и историческую реальность. Кроме того, одно и то же наименование может быть «своим», «региональным» или «внешним» в зависимости от позиции франкоязычного картографа.

Особую роль в работе с картографическим материалом играет предложенная Г. Д. Томахиным категория ономастических реалий. Исследователь относит к ним географические названия, прежде всего топонимы, обладающие культурно-историческими ассоциациями, и подчеркивает их национальную окрашенность (Томахин, 1988, с. 8, 196). Эта позиция позволяет рассматривать картографические надписи как полноценный материал для анализа реалий.

Для нашей статьи особенно значимы положения Г. Д. Томахиной о топонимах. Он пишет: «Топонимы – неотъемлемая часть фоновых знаний носителей данного языка и культуры» (Томахин, 1988, с. 199). Существенно и дальнейшее уточнение: географические названия могут быть известны за пределами данной страны, однако «ассоциации, связанные с этими объектами, являются частью национальной культуры и могут быть неизвестны за пределами данной культуры. В этом случае такие имена рассматриваются нами как ономастические реалии» (Томахин, 1988, с. 200). Для анализа франкоязычных карт Европы, Америки и Африки XVIII века это положение является опорным. На картах фиксируются не только объекты, но и способы их концептуализации: мемориальные, колониальные, этнополитические, конфессиональные и иные ассоциации, закрепленные в названии.

С учетом рассмотренных подходов для данного исследования представляется целесообразным использовать определение реалии в широком смысле. Так, под лингвокультурной реалией в картографическом тексте XVIII века мы будем понимать слово или словосочетание, прежде всего ономастического либо апеллятивно-номинативного характера, которое репрезентирует объект, территориальную единицу, этнокультурную

общность или культурно-исторический концепт, маркированный национально, регионально или исторически и не имеющий полного эквивалента в иной языковой системе без утраты части семантики или колорита. Такое определение учитывает переводоведческий критерий безэквивалентности, лингвострановедческий критерий фоновой культурной значимости и семиотический критерий реноминации.

Общетеоретические классификации требуют дальнейшей конкретизации применительно к нашему материалу. Для франкоязычных карт XVIII века релевантны прежде всего следующие группы реалий.

Во-первых, **ономастические реалии**. К ним относятся топонимы, хоронимы, гидронимы, урбанонимы и мемориальные названия, обладающие культурно-историческими ассоциациями. Именно эта группа будет центральной, поскольку картографический текст строится преимущественно на системе имен собственных. Их специфика состоит не только в функции локализации, но и в том, что они маркируют колониальную перспективу, историческую память и модель территориального деления.

Во-вторых, **политико-административные реалии**. Речь идет о названиях государств, форм государственности, зависимых территорий, административных единиц, колоний, владений, ханств, империй, княжеств, а также о номинациях, включающих институциональные признаки власти. На карте такие единицы часто совмещают топонимический и апеллативный компоненты. Здесь особенно отчетливо проявляется частичное несовпадение понятий в разных языках и культурах.

В-третьих, **этнокультурные реалии**. В эту группу включаются этнонимы, обозначения племен, народов, локальных общностей, а также устойчивые наименования пространств, соотношенных с определенным этносом или культурой. На картах Америки и Африки XVIII века такие единицы нередко выступают как способ категоризации территории через население, а не через государственную границу.

В-четвертых, **историко-коннотативные реалии**. Сюда относятся наименования, в которых денотативная функция сопровождается отчетливой исторической или оценочной коннотацией. Для картографического материала такого рода реалии особенно важны в случаях, когда французская номинация фиксирует не только объект, но и отношение к нему: колониальный статус, военную значимость, цивилизационную периферийность, торговую специализацию, мемориальную или конфессиональную характеристику.

Эта классификация не отменяет общих схем, предложенных предшествующими исследователями, а представляет их адаптацию к жанру карты. Ее отличие определяется спецификой картографического текста: компактностью, высокой плотностью имен собственных, преобладанием номинации над описанием, а также постоянным взаимодействием собственных и нарицательных компонентов в составе одного обозначения.

Следующий принципиальный вопрос связан со способами передачи реалий. В переводе их перечень разработан достаточно подробно. Г. Д. Томахин указывает, что «существует несколько способов передачи иноязычных реалий: транслитерация и транскрипция, калькирование, “описание или разъяснительный перевод”, “приближенный (приблизительный) перевод” и “трансформационный (контекстуальный) перевод”» (1988, с. 31). Аналогичный набор приемов фиксируется и в современных работах прикладного характера, где к основным средствам «трансляции культуры» отнесены транслитерация/транскрипция, калькирование, добавление пояснительных элементов, описательный и приближенный переводы (Хрусталева, 2023, с. 97).

Для исторических реалий особое значение имеет вопрос сохранения национального колорита. И. М. Мельничук и Н. А. Фененко подчеркивают «приоритетность сохранения в процессе перевода исторического и национального колорита текста посредством реноминации “чужих” реалий средствами “чужого” языка» (2017, с. 108). Это положение в полной мере применимо к картам XVIII века. Нормализация исторических наименований, их замена позднейшими или современными эквивалентами способна исказить тот образ пространства, который был актуален для эпохи создания карты.

При этом картографический жанр накладывает на способы репрезентации реалий дополнительные ограничения. Пространство карты ограничено, следовательно, развернутый описательный перевод используется реже, чем в других текстах. В основном на географических картах используются краткие способы передачи лингвокультурных реалий. Опираясь на упомянутые ранее в работах Г. Д. Томахина и А. С. Хрусталевой приемы передачи реалий и адаптируя их к специфике географической карты, в качестве рабочего инструментария мы выделяем пять основных способов репрезентации лингвокультурных реалий в картографическом тексте: транскрипцию и транслитерацию, калькирование, гибридную реноминацию, приближенный перевод (функциональный аналог) и пояснительную репрезентацию. Содержательная характеристика каждого из этих способов, а также их региональное распределение раскрываются ниже, на конкретном материале корпуса, в разделе, посвященном сопоставительному анализу.

Для анализа франкоязычных карт XVIII века полезным оказывается и различение внутренних и внешних реалий. В теории С. Влахова и С. Флорина этот параметр связан с положением реалии в «плоскости пары языков»; в применении к нашему материалу он позволяет учитывать степень культурной близости обозначаемого пространства к французскому языковому сознанию. В европейском картографическом материале вероятно большее число внутренних и регионально знакомых реалий; в картах Америки и Африки преобладают внешние реалии, требующие большей реноминационной обработки. Соответственно, сравнительный анализ способов их репрезентации должен учитывать не только тип номинации, но и степень культурной освоенности объекта франкоязычным картографом.

Из этого следует, что теория реалии применительно к картографическому материалу XVIII века решает несколько исследовательских задач одновременно. Во-первых, она позволяет описать карту как текст, насыщенный культурно маркированными единицами. Во-вторых, она дает инструментарий для разграничения

типов таких единиц. В-третьих, она позволяет описать механизмы их франкоязычной репрезентации как разновидности реноминации «чужой» действительности. В-четвертых, она делает возможным сопоставление европейского, американского и африканского материала по единому основанию – по способу соотношения французского языка карты с локальной реальностью.

Репрезентация лингвокультурных реалий на франкоязычных картах Европы, Америки и Африки XVIII века

Обращение к отобранному корпусу франкоязычных карт XVIII века показывает, что в материале трех регионов наиболее последовательно представлены **ономастические** и **политико-административные** реалии; **этнокультурные** и **историко-коннотативные** единицы встречаются реже, однако именно они особенно показательны для анализа способов реноминации. Такое распределение закономерно для картографического текста, в котором преобладают собственные имена и краткие номинации территорий, водных объектов, административных образований и локальных общностей.

Наиболее обширную группу составляют **ономастические реалии**. В европейском материале к ним относятся, например, *Mer Noire / Pont Euxin* (Черное море / Понт Эвксинский) (здесь и далее перевод автора статьи. – С. Г.), *MER NOIRE / Kara-Deniz / Mavro-Thalassa / Czarne-More, Bieles More ou Mer Blanche* (Черное море / Кара-Дениз / Мавро-Таласса / Чарне Море (во всех вариантах – «Черное море» соответственно по-турецки, по-гречески и по-польски)); в американском – *Rio de la Plata / Rivière d'Argent* (Серебряная река), *Bolchaia Zemla ou Grande Terre* (Большая земля), *Guanañami ou St Sauveur* (Гуанами, или Святой Спаситель); в африканском – *Zanguebar* (Зангебар (Занзибарское побережье)), *Abavi* (Абави (топоним, передается транскрипцией)), *Madagascar / St. Laurens / Dauphine* (Мадагаскар / Святой Лаврентий / Дофина), *Bansa ou St. Salvador* (Банса, или Сан-Сальвадор). Во всех этих случаях на карте фиксируется не нейтральное обозначение объекта, а культурно и исторически маркированное имя, сохраняющее следы нескольких традиций называния. Для ономастических реалий XVIII века особенно характерны ситуации дублетности, параллельного сосуществования локальной и французской формы, а также накопления нескольких именовательных слоев в пределах одной подписи.

Вторую по значимости группу образуют **политико-административные реалии**. Они особенно заметны там, где картографическая номинация соотносена с формами государственности, колониального управления и локальной власти. В европейском материале показательны *Moscovie / Grande Russie / Empire de Russie* (Москва / Великая Россия / Российская империя), *Turquie en Europe / Turquie en Asie* (Турция в Европе / Турция в Азии), *Volost* (волость), *Beglerbeglic d'Anatolie* (Бейлербейство Анатолии); в американском – *Canada ou Nouvelle France* (Канада, или Новая Франция), *Audience ou Parlement* (Аудиенция, или парламент), *Reductions ou Villages* (Редукции, или (миссионерские) селения), *Ostrog* (острог); в африканском – *Siouah, ville qui se gouverne en République* (Сиуа, город, который управляется как республика), *Vassaux du Gr. Macoso* (Вассалы великого Макоко), *Mani* (Мани (титул правителя)). Эти единицы важны для сравнительного анализа, поскольку здесь франкоязычная карта вынуждена соотносить чужую политическую или административную действительность с собственной системой понятий. В результате в картографическом тексте возникают либо функциональные аналоги, либо гибридные номинации, либо заимствования с кратким пояснением.

Этнокультурные реалии сконцентрированы прежде всего в зонах «фронтира», контактных территориях и пространствах, осмысляемых через населяющих данные территории людей. К этой группе относятся *Ukraine ou Pays des Cosaques* (Украина, или Страна Казаков), *Saporoskaja Sieza / Cosakes de Saporos* (Запорожская Сечь / Запорожские Казаки), *Pays des Tschuktschi* (Страна Чукчей), *Marabouts = dévots et docteurs dans la Loi* (Марабуты = благочестивые и знатоки Закона), а также словарные глоссы типа *Gorod – une Ville* (Город); *Selo – Village avec une Eglise* (Село – Деревня с Церковью). В подобных случаях карта репрезентирует пространство через этноним, конфессионально-культурный маркер, локальный социальный термин или форму коллективной идентичности. Для данного типа существенна зависимость значения от фоновых знаний читателя. Без дополнительного пояснения такие единицы либо остаются непрозрачными, либо интерпретируются слишком приблизительно.

Историко-коннотативные реалии количественно представлены менее широко. В рассматриваемом материале к ним можно отнести, например, *Dikia Pole ou Campagnes Desertes* (Дикое Поле или Пустынные Поля), *Zolotaia horda ou Horde d'Or* (Золотая Орда), *Mamelus* (“signifie Soldat”) (Мамелюки («означает Солдат»)). Эти номинации содержат выраженное историческое, политическое или оценочное значение и потому передают не только название объекта, но и определенный способ его осмысления в европейской картографической традиции. В таких случаях на карте фиксируется не современное нейтральное состояние пространства, а его историческая интерпретация, связанная с памятью о предшествующих политических формациях, фронтирном статусе территории или устойчивом цивилизационном стереотипе.

Если перейти от типов реалий к **способам их репрезентации**, то наиболее устойчиво в корпусе представлены все модели, обозначенные в теоретической части статьи. При этом материал XVIII века показывает, что в картографическом тексте особенно продуктивны не изолированные, а комбинированные формы, в которых один прием дополняется другим.

Транскрипция и транслитерация преобладают там, где французский язык сохраняет иноязычную основу и лишь графически адаптирует ее. Такой способ особенно характерен для внешних топонимов, гидронимов, этнонимов и административных терминов. Показательны африканские примеры *Zanguebar*, *Biledulgerid* (Биледулджерид (араб. «Страна фиников»)), *Abavi*, американское *Pays des Tschuktschi*, европейское *Beglerbeglic d'Anatolie*. Во всех этих случаях карта не подменяет чужую номинацию французским эквивалентом,

а сохраняет ее как знак иной культурной среды. Для ономастических реалий этот прием является одним из базовых, поскольку позволяет минимально вмешиваться в структуру исходного имени и одновременно включать его во французский графический узу.

Калькирование используется в тех случаях, когда семантическая структура названия воспринимается как достаточно прозрачная для перевода. Этот способ отчетливо проявляется в примерах *Rio de la Plata / Rivière d'Argent, Père des Eaux (Omeç Bod), Sneeuw Bergen ou Montagnes de Neige (Снежные горы)*, а также в дублетах типа *Bieloe More ou Mer Blanche* и *Zolotaia horda ou Horde d'Or*. В отличие от транслитерации, калька переводит внутреннюю форму названия и тем самым частично снимает его иноязычную непрозрачность. Для картографического материала XVIII века этот прием особенно удобен при передаче гидронимов, оронимов и иных семантически мотивированных номинаций. Он дает французскому читателю смысловой доступ к объекту, не устраняя полностью его инокультурного происхождения, если перевод сопровождается исходной формой.

Одним из показательных способов репрезентации реалий «чужой» культуры является **гибридная реноминация**. Данный способ заключается в соединении местного автохтонного имени с французским колониальным, христианским либо общеевропейским обозначением. Характерные примеры – *Canada ou Nouvelle France, Oyo ou la Belle Rivière (Oïo, или Прекрасная Река), Guanahami ou St Sauveur, Madagascar / St. Laurens / Dauphine, Bansa ou St. Salvador, Mer Noire / Pont Euxin*, а в предельной форме – *MER NOIRE / Kara-Deniz / Mavro-Thalassa / Czarne-More*. При этом, в отличие от приближенного перевода, французское обозначение семантически не связано с автохтонным именем. В одних случаях гибридная реноминация отражает сосуществование автохтонной и французской традиции, в других – наложение нескольких европейских и неевропейских слоев номинации. Для XVIII века этот способ значим, поскольку позволяет картографу сохранить узнаваемость локального имени и одновременно встроить его во французскую систему обозначения пространства.

Приближенный перевод и функциональный аналог характерны прежде всего для политико-административных и институциональных реалий. Здесь карта соотносит чужую форму организации пространства или власти с более понятной для адресата категорией. Наиболее показательны *Audience ou Parlement, Reductions ou Villages, Siouah, ville qui se gouverne en République, Vassaux du Gr. Macoco*, а также в определенной степени *Turquie en Europe / Turquie en Asie*. В этих примерах номинация строится по принципу функционального сближения. Такой способ облегчает восприятие карты, однако сопровождается семантическим смещением: локальная административная или политическая специфика включается в систему европейских понятий и частично переосмысливается через нее.

Пояснительная репрезентация занимает в картографическом корпусе особое место. В силу жанровой краткости карты развернутые объяснения встречаются ограниченно, однако они показательны для работы с реалиями, которые невозможно передать ни прямым заимствованием, ни калькой, ни функциональным аналогом без смысловой потери. В европейском материале это *Ukraine ou Pays des Cosaques, Dikia Pole ou Campagnes Desertes, Gorod – une Ville; Selo – Village avec une Eglise*; в американском – *Parana-Miri c'est à dire Petite Riviere / Parana-guzu qui veut dire grande Riviere (Парана-Мир, то есть Маленькая река / Парана-гузу, что значит большая Река), Ostrog / "Le mot Ostrog signifie Fort"* (слово *Острог* означает *Форт*); в африканском – *Sahra ou le Desert (Сахара, или Пустыня), Marabouts = dévots et docteurs dans la Loi, Mamelus ("signifie Soldat")*. В данных примерах пояснение сокращает культурную дистанцию между обозначаемой реальностью и читателем карты. В основном такая модель используется в легендах, глоссах, дублетных подписях и формулировках с разъяснением значения.

В большинстве проанализированных примеров лингвокультурных реалий способы их передачи используются не изолированно друг от друга. Соответственно, можно говорить о **смешанных способах репрезентации реалий**. Так, в примерах *Bieloe More ou Mer Blanche* и *Bolchaia Zemla ou Grande Terre* используются транслитерация и калькирование. *Ostrog / "signifie Fort"* соединяет транслитерацию с пояснением, в случае с *Oyo ou la Belle Rivière* гибридная реноминация сочетается с приближенным переводом. В примере *Dikia Pole ou Campagnes Desertes* автор прибегает к комбинации транслитерации и пояснительного перевода. Эти примеры демонстрируют, что картографическая номинация решает одновременно две задачи: сохраняет местную форму и объясняет ее для читателя.

Сравнительный анализ данных способов на французских географических картах трех крупных регионов (Европа, Африка и Северная и Южная Америка) показывает, что их распределение отличается по частотности использования. В **европейском материале** преобладают гибридные и дублетные формы, отражающие геополитические изменения на изображаемых территориях. Это демонстрируют уже упомянутые примеры *Moscovie / Grande Russie / Empire de Russie, Mer Noire / Pont Euxin, Mer Noire / Kara-Deniz / Mavro-Thalassa / Czarne-More*. Для Европы характерна высокая степень исторической и политической освоенности пространств, поскольку данные территории тесно связаны с Францией как исторически, так и географически. Отсюда частое сосуществование античных, средневековых и современных для XVIII века региональных вариантов наименования географических реалий. Вместе с тем при передаче более удаленных от Франции восточноевропейских и османских реалий сохраняется потребность в их транслитерации и кратком пояснении, что видно на примерах *Volost, Beglerbeglic, Saporoskaja Sieza*. Другими словами, для европейского материала характерно сочетание относительной культурной близости и частичной административной и языковой отдаленности. Лишь отдельные культурные реалии требуют передачи на французский язык.

На **картах, изображающих территории Америки**, способы репрезентации реалий распределены более равномерно. Здесь продуктивны гибридная реноминация и функциональный аналог, а также пояснительные комментарии и смешанные способы. Это связано с более тесным взаимодействием на американском пространстве

автохтонных названий, французской и испанской колониальных традиций наименования, миссионерской терминологии. В отдельных зонах Северной Америки, в частности Аляски, встречается русская пограничная лексика. Отсюда высокая частотность конструкций типа *Canada ou Nouvelle France*, *Oyo ou la Belle Rivière*, *Guanahami ou St Sauveur*, где местный вариант названия сохраняется рядом с колониальным французским вариантом его передачи. Функциональные аналоги, например *Audience ou Parlement* и *Reductions ou Villages*, отражают необходимость перевода чужих колониальных институтов на французский язык. На картах или на их фрагментах, изображающих Северную Америку и побережье Тихого океана, чаще встречаются транслитерации и пояснения, например *Ostrog*, *Bolchaia Zemla*, *Pays des Tschuktschi*. Таким образом, можно заключить, что американский мас-сив представляется как наиболее контактный и многоязычный, поскольку на данном материале видны механизмы посреднической реноминации.

В африканском материале преобладают способы транскрипции/транслитерации, а также пояснительной репрезентации. Примеры *Zanguebar*, *Biledulgerid*, *Abavi* показывают намерение автора сохранить иноязычную форму и не пояснять ее, тогда как примеры *Sahra ou le Desert*, *Marabouts = dévots et docteurs dans la Loi*, *Mamelus* (“signifie Soldat”), напротив, сопровождаются пояснением культурной реалии. Такое распределение может быть связано с большей культурной дистанцией между автором карты и обозначаемой реалией, а также с высокой ролью посреднических арабских, португальских и голландских именовательных слоев. Гибридная реноминация в Африке также представлена прежде всего в прибрежных и урбанонимических номинациях, например *Madagascar / St. Laurens / Dauphine*, *Bansa ou St. Salvador*, *Vieux Caire / Masri* (Старый Каир / Масри). Однако по своей функции она отличается от американского материала. Если в Америке гибридная номинация часто связана с колониальной практикой, то в Африке она фиксирует наложение и сосуществование разных внешних традиций названия и местной основы. Функциональный аналог применяется прежде всего для обозначения политических и иерархических структур, например *Siouah... en République*, *Vassaux du Gr. Macoco*, *Mani*, то есть там, где карта передает реалию «чужой» культуры с помощью ближайшего аналога в европейской политической системе.

В целом сопоставление материала позволяет установить зависимость между **степенью культурной освоенности пространства и преобладающим способом репрезентации реалий**. В европейском пространстве чаще используются многослойные гибридные номинации, демонстрирующие, с одной стороны, геополитические изменения и, с другой стороны, сосуществование нескольких названий одной реалии. В американском материале преобладают гибридные и функционально-переводные модели, что связано с колониальным многоязычием и необходимостью интерпретации местных институциональных реалий с помощью французского понятийного аппарата. В африканском корпусе более часты транслитерация и пояснительная репрезентация, поскольку для значительной части обозначений реалий первоочередная задача – сохранение чужой формы либо минимальное объяснение ее значения. Калькирование занимает промежуточное положение, поскольку регулярно встречается во всех трех регионах и преимущественно в тех случаях, когда внутренняя форма названия допускает относительно ясный семантический перенос.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что способы репрезентации лингвокультурных реалий на франкоязычных картах XVIII века распределяются по регионам не случайно. Их выбор зависит от типа самой реалии, от степени ее культурной близости для франкоязычного картографа и от того, может ли объект быть включен во французскую номинативную систему без существенной утраты локальной специфики. По этой причине наиболее показательными для корпуса оказываются именно комбинированные модели, в которых карта одновременно сохраняет чужое имя, переводит его, соотносит с французским эквивалентом или снабжает кратким пояснением или переводом.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, применительно к картографическому тексту XVIII века уточнено рабочее определение лингвокультурной реалии как слова или словосочетания преимущественно ономастического либо апеллативно-номинативного характера, которое репрезентирует объект, территориальную единицу, этнокультурную общность или культурно-исторический концепт, маркированный национально, регионально или исторически и не имеющий полного эквивалента в иной языковой системе без утраты части семантики или колорита.

Во-вторых, разработана типология лингвокультурных реалий, адаптированная к картографическому тексту и включающая четыре основные группы: ономастические, политико-административные, этнокультурные и историко-коннотативные реалии. Показано, что наиболее частотными в корпусе являются ономастические и политико-административные реалии. Этнокультурные и историко-коннотативные единицы представлены реже, но также показательны для анализа механизмов реноминации. Таким образом, подтверждена применимость общих классификаций реалий к картографическому материалу при условии их жанровой конкретизации.

В-третьих, описаны основные способы репрезентации реалий во франкоязычном картографическом тексте: транскрипция и транслитерация, калькирование, гибридная реноминация, приближённый перевод и функциональный аналог, а также пояснительная репрезентация. Установлено, что в картографическом тексте XVIII века эти приёмы используются преимущественно не изолированно, а в комбинированных формах, в которых сохранение исходного имени сочетается с его переводом, функциональным сближением или кратким пояснением.

В-четвёртых, проведен сравнительный анализ способов репрезентации реалий на материале карт Европы, Америки и Африки. Показано, что их распределение не случайно. В европейском материале преобладают многослойные дублетные и гибридные номинации, в американском – гибридные и функционально-переводные модели, в африканском – транскрипция, транслитерация и пояснительная репрезентация. Калькирование регулярно встречается во всех трёх регионах. Сопоставление этих данных позволило установить, что выбор способа репрезентации зависит от типа реалии, степени культурной освоенности обозначаемого пространства франкоязычным картографом и картографической традицией XVIII века. Тем самым цель исследования достигнута: чем выше культурная и историческая освоенность территории, тем заметнее роль гибридных и дублетных форм, тогда как возрастание культурной дистанции усиливает опору на транслитерацию и пояснение.

Перспективы дальнейшего изучения темы связаны с расширением корпуса картографических источников, привлечением картушей, легенд и сопроводительных текстов, сопоставлением франкоязычного материала с картами других европейских традиций, а также с диахроническим анализом изменений реноминационных моделей.

Материалы исследования | Research materials

1. Anville J.-B. B. d'. Carte d'Afrique. 1727. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b85951547/f1.item.zoom>
2. Anville J.-B. B. d'. [Mer Noire] Troisième partie de la carte d'Europe contenant le midi de la Russie, la Pologne et la Hongrie, la Turquie y compris celle d'Asie presque entière. 1760. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530092002/f1.item.zoom#>
3. Bellin J.-N. Carte réduite de l'océan septentrional compris entre l'Asie et l'Amérique suivant les découvertes qui ont été faites par les Russes. 1766. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53089852s/f1.item.r=carte%20réduite%20des%20découvertes%20des%20russes.zoom>
4. Clouet J. B. L. Carte d'Afrique, divisée en ses principaux États, dressée sur les observations astronomiques de Mrs de l'Académie Royale des Sciences, concernant et sur les mémoires les plus récents / par l'Abbé Clouet de l'Académie de Rouen. 1787. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53029355c/f1.item.r=carte%20d'afrique%20divisée%20en%20ses%20principaux%20états.zoom>
5. Delisle G. Carte d'Afrique dressée pour l'usage du Roy. 1722. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530650106/f1.item.zoom>
6. Delisle G. Carte d'Europe réduite sur celle de M. Delisle... / par Mlle Delisle. 1726. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55004684f/f1.item.zoom>
7. Didier R. de V. Carte de la Turquie Européenne. 1755. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8445943k.r=carte%20de%20la%20turquie%20européenne?rk=21459;2>
8. Didier R. de V. Carte des environs de la Mer-Noire, où se trouvent l'Ukraine, la Petite Tartarie, la Circassie, la Georgie, et les confins de la Russie Européenne, et de la Turquie. 1769. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53093443j?rk=21459;2>
9. Fer N. de. La Terre ferme et le Pérou avec le pays des Amazones et le Brésil. 1702. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8468651k/f1.item.zoom>
10. Fer N. de. L'Afrique, où tous les points principaux sont placés sur les observations... de l'Académie royale des sciences. 1761. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53088673z/f1.item.zoom>
11. Moithey M.-A. Carte de l'empire de Russie comprise en Europe pour l'intelligence de la guerre présente entre l'Impératrice, les confédérés de Pologne et le Turc / par le Sr Moithey; gravé par Vallet Crepy. 1769. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53093660s/f1.item.zoom>
12. Moithey M.-A. Carte générale de l'Empire Russie comprise en Europe. 1788. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53100433k/f1.item.zoom>

Источники | References

1. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереваемое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
2. Демонова Ю. М., Лавриненко В. А., Кемечеджиева В. П. Реалии как лингвистическое явление // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2021. № 1.
3. Кретов А. А., Фененко Н. А. Из опыта исследования реалий методом словарных дефиниций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2018. № 4.
4. Кретов А. А., Фененко Н. А. Лингвистическая теория реалии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2013. № 1.
5. Манухина А. О. Стереотипное и индивидуальное в оценочной картине мира старофранцузских хроник XIII века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 620.
6. Манухина А. О. Vanitas в среднефранцузском романе "Chevalier errant" Томмазо Салуццо (эволюция кодекса чести рыцаря в XIV веке) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 13 (868). https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_13_868_35

7. Мельничук И. М., Фененко Н. А. Особенности реноминации исторических реалий (на материале переводов на французский язык произведений И. Друцэ) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2017. № 3.
8. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1988.
9. Фененко Н. А. К проблеме лингвистической типологии реалий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2017. № 4.
10. Хрусталева А. С. Переводческие приемы трансляции культуры в переводе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-5 (80). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-5-5-95-98>

Информация об авторах | Author information

Глазко Семен Юрьевич¹

¹ Московский государственный лингвистический университет

Semyon Yurievich Glazko¹

¹ Moscow State Linguistic University

¹ glazckos@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.05.2026; опубликовано online (published online): 26.06.2026.

Ключевые слова (keywords): лингвокультурные реалии; франкоязычные географические карты; способы репрезентации; реноминация; французский язык XVIII века; linguocultural realia; French-language geographic maps; methods of representation; renaming; 18th-century French language.